Григорий Санжаровский

Смешинки от Гриши

Григорий Санжаровский

Смешинки от Гриши

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169866

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 39

Всем, кто разучился СМЕЯТЬСЯ, надо УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ и УЧИТЬСЯ!
А.С. Рас и В.И. Ульянов

Как жук жужжит

Сказка

Жил-был котёнок.

Он был такой ма-аленький, се-еренький.

И вут этот котёнок любил на балкончик выходить и по балкончику гулять!

Вы-ысунет за дверь свою мордочку, посмотрит, какая там погодка, и скок на перила!

А за ним и все остальные котёнки тоже прыгнут на перила и все гуля-яют, гуля-яют по перилам друг за дружкой. Туда-сюда! Туда-сюда! И смотрят, куда-а соседские кошки пошли, куда-а собаки побежали, куда-а и как люди пошли-гуляют, куда-а машины поехали…

Всё им видно с четвёртого этажа!

И вдруг ни с того ни с сего!.. Ни с того ни с сего:

– Ж—ж—ж—ж—ж—ж—ж!..

Серенький котёнок гулял впереди всех и первым посмотрел, посмотрел направо. Посмотрел, посмотрел налево. Ничего не видит.

Но всё равно! Ни с того ни с сего:

– Ж-ж—ж—ж—ж—ж—ж—ж-ж-ж-ж!..

Котёнок ещё посмотрел, посмотрел… Ничегошеньки не видит!

Но всё равно! Ни с того ни с сего:

– Ж-ж—ж—ж—ж—ж—ж—ж-ж-ж-ж-ж-ж!..

Котёнок ещё посмотрел, посмотрел направо, Посмотрел, посмотрел, посмотрел налево. И вдруг видит: перед его носиком жук вьётся! Хочет его, норовит в нос у-ку-сить!

Ца-ап-цар-рап! Ца-ап-цар-рап!! Вот что он хочет!!!

Котёнок ка-ак лапу под-ня-ял! Ка-ак у-ух сту-укнул жука по носу!

И свалился с перил.

Котёнок приземлился на все четыре лапки. А ни капленьки не больно!

Огляделся.

Посмотрел наверх, не летит ли за ним жук.

Н-н-нет!

3 ноября 1996. Воскресенье.

Рука стёрлась

– Пап, я тебе сложное скажу. У меня рука стёрлась (устала).

Правильные усы

– Пап, а почему у тебя усы растут из носа, а у троллейбуса из спины?
– А ты хотел бы наоборот?
– Не знаю… А как правильно они должны расти? Как растут?

Стеклянный нос

– Поаккуратней слетай с горки на санках. А то нос рассадишь!
– А что, бабушка Нина, разве у меня нос стеклянный?

Крик

– Тише, тише. Успокойся, сыне.
– Извини, пап. Я больше не буду раскидывать крики. Больше не буду кричать по-кричачьи!

Срочная болезнь

– Гриша, а почему я Маринку сегодня не видел в садике? Вчера ж была!
– А сегодня мигом заболела!
– Что у неё?
– О-о-о… И горло болит, и нос болит, и… Вся заболела! До ног!

22 ноября 1996. Пятница.

Кипящий ток

– Кипяток – это кипящий ток? Кип, кип, кип ток?

Посторонний

– Пап, я хочу написать, что я в ванне делал.

– Да пиши.

«Собака, киска, солдат, попугай, мышка, пингвин, петух, рыбка, ослик, динозавр, милиционер, ёжик напускали в ванну воду и мотались в ней, а я только смотрел».

Простуда

– Не лежи на полу. Простудишься!

– Я ж не головой касаюсь. А касаюсь я желудком. И ещё ногами!

Контролёр

– Слезь со стола.

– Я не мешаю. Я сижу и смотрю, как ты печатаешь.

– А упадёшь нечаянно?

– Нечаянно я не упаду.

Вокруг пальца

– Зачем ты запихнул палец в нос?

– Это не я. Это палец запихнул меня в нос!

Бунт волос

– А почему у вас тут на голове нету волоса? Голова очень твёрдая, и волосы отказываются расти?

Вход в спальню

– У меня в саду двенадцать подругов!

– Кто ж это такие?

– Поля… Полина Маркелова, Чижикова Вика, Паша Казека, Паша Яковлев, Маркелова – фу да Маркелова! – Самира, Гигабанский Мака, Литвинова – летает! – Василиса, Цыганкова Ника, Марков Миша… Воротников… нет… Воротник Димка-шкет… Сегодня я нечаянно забежал в спальню и сразу к Поле. Ты знаешь, спальня у нас общая. Моя кроватка рядом с Полиной. Когда я лягу, её пятки всегда у моего лица. Она уже спала. Я стал щекотать ей пяточки и целовать. Она не хотела просыпаться. Я тихонько подул ей в лицо. Она проснулась наконец и встала. Зарадовалась вся, что я пришёл. Вскочила и стала со мной прыгать! Я даже в паровозик не успел поиграть… Жалко… Пап, напиши… Точка, точка, запиточка. Не налить вам кипяточка? Кипяток – кипячий ток!

Луна и фонарь

– Пап, а зачем луна?

– Ка-ак зачем? Луна светит людям!

– А фонарь кому светит?

– Так фонарь светит в одном дворе. А луна во всем мире!

– Так фонарь честно светит! Пока не перегорит! А луна то за дерево, то за дом спрячется. А потом из-за дома выглядывает и смеётся. То за тучи спрячется насовсем! Хи-ит-рая твоя лунёха!.. И ленивая!

18 января 1997. Воскресенье.

Столб

Сказка

Жил-был Столб.

Он жил один на улице. Совсем один. Ни в гости к соседям, к Столбам, сходить. Ни телевизор посмотреть.

Ску-учно жил.

Зато по праздникам стройный, как папа, и высокий Столб цвёл. Его наряжали и он высоко держал целые гирлянды весёлых цветных огней.

Люди вокруг него смеялись, плясали.

А в простые дни со Столбом оставалась всегда лишь одна Лампочка. Один божий белый огончик. Она была маленькая и всё равно всем светила. Людям, машинам, голубям.

И всем было видно, куда идти, куда ехать, куда лететь.

Но однажды у Столба заболела ножка, и он упал.

Вокруг стало темно и всем стало плохо. Как затемнело, не видели, куда идти, куда ехать, куда лететь.

Скоро Столб вылечил свою ножку. Снова высоко встал на своё место.

И всем стало всё сразу видно.

И все стали весёлые.

Провода и половник-полковник

Сказка

Провода дружно обнялись за руки, свернулись в тёплое толстое колёсико и заснули. На антресолях.

Спали они день. Спали два. Спали месяц. Выспали полный год!

Первый проснулся Белый Провод.

Он был маленький. Самый тоненький, самый худенький, самый бледненький.

А проснулся – очень кушать хотел.

Но на антресолях есть было нечего.

Беленький посмотрел в окно и сказал всем Проводам:

– Пойдёмте погуляем хоть!

Провода соскочили с антресолей. Все умылись и пошли гу-у-у-у ля-ять.

Были Провода длиннорослые, изящные, и все обращали на них внимание.

– Я устал гулять, – сказал Беленький.

– Всё ты вечно устаёшь! – засердился Серый Провод. – То устал спать. Теперь устал гулять!..

– Я хочу есть, – захныкал Беленький. – Что ж мы дома все умылись, а ничего не поели?

Все вздохнули. Промолчали.

Они все были взрослые.

А один Беленький был ещё маленький.

– Мяу! – улыбнулся Беленькому Рыжий Провод.

– Гав! – крикнул на Рыжего Чёрный Провод.

– Мяу! Мяу! Мяу! Мяу! – завозражал Черному Красный Провод.

– Сяу! Сяу! Сяу! Сяу! – запередразнивал и Чёрного и Красного Жёлтый Провод.

– Что ты по-китайски мяукаешь? – заругался на Жёлтого Синий. – Тогда ты не мяукаешь, а сяукаешь! И ты не мяука, а сяука!

– А ты!..

– Гав! Гав!! Гав!!! Гав!!!! Гав!!!!! – страшно закричал на всех Чёрный.

И стали все они ругаться. Чтоб не так слышно было голоса голода.

А голод бегал в проводейских животах и сердито рычал.

И тут навстречу Проводам выявился Половник. Он тяжело весил и был кругленький, солидный, счастливый. Как самый главный Полковник.

– Господа! – сказал Половник-Полковник. – Вы чего ругаетесь, как кошки с собаками?

– А разве по нас не видно, чего мы ругаемся? – спросил Красный.

– Видно, видно! Вы такие длинные, худые. Совсем отощалые! И злые. Потому что жутко голодные. А голод не тётка!

– Хотим к тётке! – выкрикнули все разом.

– А на дядьку не согласитесь? – показал на себя Половник. И махнул рукой.

В тот же миг перед ним проявился грома-адный котёл с гречневой кашей.

Всех накормил Половник гречневой кашей с ветчиной. И с молоком.

И Провода сразу подтолстели, подобрели и задумались, как отблагодарить Половника.

Поглядели по сторонам.

Увидали два столба.

Залезли, легли на них, растянулись отдохнуть. А заодно и подхвати с земли Половника. Стали его качать.

Скоро прилетели на провода – кар! – кар! – кар! – Воро-ны.

Перестали Вороны каркать.

А начались жужжанья.

Это Пчёлки прилетели покататься на Весёлых Проводах.

– Жу-жу! Жу-жу! Жу-жу! Жу-жу!..

Кончились жужжанья – начались зузанья.

Это Комарики тоже прилетели покататься на Добрых Проводах.

– З-з-з-з-з-з-з-з-з-э-з-з-з…

Провода весело взлетали и смеялись. И смеялись все. И Пчёлы, и Комарики, и Вороны, и Жуки.

И громше всех был смех Половника. Один раз он особенно высоко взлетел, и из-за дома солнышко пролыбнулось на его круглом лице.

Мимо шла важная дама из высокого о!о!о!о!общества. Звали её Сере… Сереб… Серебрис… Как надо говорить?.. Сере… брысь!.. Ой!.. Сереб-рис-тая Люстра!

Все катались вместе с Проводами.

Люстре это было что-то непонятное. И она так говорит-капризничает:

– Фффыр! Фффыр! Фффыр!..

Но на неё никто не обиделся.

А Половник-Полковник даже позвал её к себе наверх.
На качели.
К Полкану она полетела сразу.
И тоже засмеялась.
Ну кто же не любит гречневую кашу с молоком и с ветчиной?

Новая страна

– Пап, глянь в мою газету. Это чей флаг?
– Португалии.
– Хэх! Странная страна. Поругали!
– Да не Поругали! А Пор-ту-га-ли-я!
– А-а! Поругал И Я? А за что ты её ругал? И сильно ругал? Она обиделась? Или нет?

Открытие

– Пап, смотри… Спичка горела. Я подул. У меня изо рта выпал воздух и спичка потухла! Спряталась! Испугалась моего воздуха?!

Как мысли попадают в голову

– Пап, все мысли, что я мыслил, мыслил, взяли убежали из головы. Куда они убежали?
– На водопой?
– Не знаю… А как мысли попадают в голову?
– Как и уходят.
– Ну а как? Дырочку делают в голове?
– А не больно? Дырочку делать?
– Может, через ухо?
– А может, через нос?
– Не-ет! Через ухо-перепухо!

Человек

Человек –
Зеленый век.

Я вовсю мальчик!

Папа любил надевать на меня красивую косыночку.

И вот однажды раз мы играли с ним в Измайлове в жмурки.

Папа вроде закрыл глаза, прислонился лицом к берёзе, а я на цыпочках побежал за густой куст.

Увидала меня в косынке важная тётя в шляпе и закричала на весь лес:

– Люди! Да кто ж это потерял такую маленькую девочку одну в лесу!?

Я обиделся, что она назвала меня девочкой да ещё такой маленькой, и тоже стал кричать ей, правда, не на весь лес, а так, на половинку:

– Да не девочка я, а вовсю мальчик! Гриша я!!!

Страх

– Страховой полис… От страха?

Претензия к небу

– Папа, а небо круглое?

– Круглое.

– А почему я не видел, как оно закругляется? Зорче смотреть надо?

Сказка

– Папа, сегодня на участке в садике была в гостях рыжая собака. Овчарка. Собака кусала детей. Дети кусали собаку. Аж шерсть с потрохами отлётывала. Овчарка осталась недовольная. И лысая!

Слёзы

– А сегодня Настечка плакала на всю Россию…

18 июня 1997. Среда.

Тень

Я топнул, своечкину тень ударил. Тень сломалась, но не умерла. Она умрёт только тогда, когда умрёт человек.

Выдержливая земля

– Наша Земля сильная?
– Сильная.
– Даже сто этажей выдержит?
– Ноль проблем.
– Такая выдержливая наша Земля? Ничего себечки! Ой-ой-о-оечки!..

Кот

– Я сегодня четыре часа мяукал в саду! Я же кот!!! Меня все ругали, говорили, что отнесут в подвал или в бассейн, где сегодня завелась крыса.
– Что она там делала?
– Сначала, наверно, бегала по бассейну.
– Может, плавала?
– Сначала побегала, согрелась и стала плавать. А потом затонула. Пришли из нашей группы купаться. С крыской было тесно купаться. Крыску выловили. Стало просторно. И дети полезли купаться. И все стали крысами! А я не стал. Я не купаюсь.
– И купаться не купаешься, и крысой не стал. Кем же ты станешь?
– Сегодня Вичке Чижиковой я сказал, что я вырасту котом. А не папой.
– Жаль. Раньше ты обещал вырасти папой…
– А глупка Чижикова вырастет врачом! Аппендицит ей в руку!

Совмещённая погода

– Иду из сада – авария! Лужа разлеглась во всейную улицу!.. Сегодня была совмещённая погода. Дождь со снегом!

Кто наша мама

– Пап, наша мама дизельная горилла!

– Ты что куёшь?

– А кто ж она? Утром рано-рано-ранушко убегает на работу. Вечером поздно-поздно-позднушко прибегает с работы. В выходные опять бегом на работу. И бегает, и бегает, и бегает! Как дизель!.. И горит, и горит, и горит!.. Разве она не горилла?!

Заявка строителям

– Пап, а ты знаешь строителей, кто строил наш дом?

– Нет.

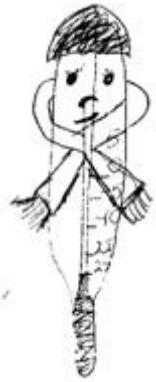
– Я как найду их телефон в справочнике, тебе сразу дам. И ты позвони. Попроси, чтоб они достроили наш дом до ста этажей! И скажи: не забудьте поменять планировку. Чтоб весь дом был наша одна квартира! Это тогда сколько у нас будет пространств? Полная куча!

Потери

– Мам, что у меня больше тратится? Язык, когда говорю, или уши, когда слушаю?

– Язык.

– Нет, уши. Я много слушаю магнитофон и мало говорю языком. Я так много слушаю, я так много слушаю, что у меня уши скомкались!



Проблемы стрелочки

– Почему стрелочка круглого градусника за окном ходит летом поверху, а сейчас понизу?

– Не знаю.

– Да потому что ей холодно! При минус двадцати кто нос задирает?

Стукачик

– Что я кашляю, это называется не кашель, а стукание ртом.

Первый пересказ

– Сынок, перескажи сказку Льва Толстого «Три медведя».
– А что такое *перескажи?*
– Вот прочитал? Своими словами расскажи, что читал.
– Можно многими словами?
– Можно.
– «Три медведя»… Написал Лев!.. Лёв!!! Толстый! Одна девочка заблудилась в лесу. И она нашла домик и захотела пообедать. Она пообедала. И ей захотелось спать. Она поспала. Пришли три медведя, её наругали, выгнали и укусили.

Авария

– Ой! У меня в мозгах незнамо что поломалось, и всё перепуталось.

Ушиный транзит

– Папа, зачем человеку два уха? Чтоб в одно влетало, а в другое вылетало? Да?

Побаска

Была перестройка-катайстройка.
Маленькую собачку учили петь-говорить по-новому:
– Мяу! Мяу! Мяу!
А собачка извивалась-извинялась, краснела-синела, вертела хвостиком и говорила по-старому:
– Гав! Гав!! Гав!!!

Ждём-с

– Вызвали мне скорого врача… А почему врач не приходит?
– Уколы напильником точит, – отвечает папа.
– А уколы большие?
– С твою руку. Или с мою ногу.
– Чтоб у него все уколы поломались! Или чтоб его встретил Бармалей, отнял все уколы и выбросил на помойку!

Гришелюб

– Ты кого из детсадовских любишь девочек?
– Никого.
– А из мальчиков?
– Одного Гришу.
– Но у вас в саду только ты Гриша.
– Вот именно!

Дикто-фикто

– Пап, я хочу на балкон.
– Пойдём вместе.
– Нет. Я хочу без тебя. Чтоб ты мне не мешал. Что мне подастся под руку, то я и запишу на дикто-фикто. Диктофон!

Мнение воспитательницы

– А Елена Юрьевна говорила, что я хуже злого тигра и хуже злой собаки.
– А почему она так говорила?
– Потому что я всех огорчаю.
– И это будет без конца? Конец твоих огорчений виден?
– Не просматривается, папа.

Любители семечек

Мы сегодня с мамой гуляли и брызгались семечками.

Болтушок

– Заправь маечку в штаники, – говорит мне папа. – Что ты такой разболтанный?
– Како-ой?
– Разболтанный.
– От слова болт или шуруп?
– Гайка!
– Гайка-побегайка!

Тогда пусть съест!

– Папа, а крокодил страшный?
– Страшный.
– Страшнючей, чем ты? – наезжаю в шутку.
– Это дело вкуса. Уточни у мамы.
– Он что хочешь просто проглотит?
– Что хочешь. И просто.
– А в желудке у него всё сломается?
– Всё.
– Тогда пусть съест мой колючий пуховый костюмчик! Чтоб костюмчик всё у него в желудке исколол!

Банный день

– Ой! Мама, очень высоко ты набрала в ванну воды. Чтоб мои глазки утонули?!

Баловной дождик

– Пап, а кто выпустил дождик?
– Чёрные тучки.
– А почему они на нас выпускают?
– Понравились мы им с тобой.
– А как дождик ходит?
– Пешком. На белых тонких ножках.
– Дождик на меня накапал. Он баловной?

Чего не хватает папе

Я потрогал папкин ус.
– Пап, ты настоящий кот?
– Настоящий.
– Ты усами нюхаешь?
– Ну!
– Чтоб ты совсема правдошно был кот, надо ушки сделать высунутые на лбу. И сделать ещё две лапки с когтями. Чтоб делал цап-царап! Цап-цар-рап!! Ца-ап-цар-рап!!!

Собачкины детки

– Щенята – собачкины сынки и дочки. Почему дяди и тёти, у которых нету людяных детей, гуляют с собачкиными детями?
– Кого Бог дал, с теми и гуляют, сыне ты мой мудрик.
– А собачки не сердятся, что дяди и тёти гуляют с ихнейской детворнёй?
– Это надо у самих собачек спросить…

Путь котлеты

Два мальчика маленьких едят котлеты.
– А котлета идёт сначала в горло, потом вот сюда, – показывает один на свой живот, – потом ещё ниже и в ноги?
– И дальше, – уточняет другой. – В тапочки!

Горизонт

– Когда горизонт перестанет отодвигаться от людей? Когда устанет?

Думал, думал, написал!

В три года мой сын доверил памяти свою первую сказку про кошку. К пяти бумагой на пишущей машинке бойкей меня.

А я стал записывать истории, что случались с ним. Он стоит рядом и ревниво следит, все ли я правильно пишу.

— Папа, ты неправильно написал! Исправляй скорей!!!

В шесть лет сын начал сам печатать свои выдумки и истории.

Горизонт

— Когда горизонт перестанет отодвигаться от людей? Когда устанет?

Колеблющийся

— Мама, что дороже — уговор или деньги? . . .

— Уговор.

— А если деньги ну очень большие?

И не разрешай

— Сын, я не разрешаю тебе это делать!

— И не разрешай. Я сам разрешусь!

Спрашивание

— Почему ты не спрашиваешь, когда берёшь чужие вещи?

— Некогда. Их надо быстро-быстро взять!

Тонкая и толстая

Интересно, почему секундная стрелка худая, а часовая — жирная коротышка? Потому что секундная бегает, бегает, бегает. Некогда даже поесть. А часовая шестьдесят минут стоит почти на месте и ест, ест, ест — и толстеет, толстеет, толстеет...

Гриша САНЖАРОВСКИЙ, 6 лет.

Первая в жизни публикация. (23 июля 1999. «Российская газета».)

Где растёт молоко?

– Папа, а зачем у коровки вымя?

– В нём корова носит молоко. Как в сумке.

– А где молоко растёт?

– А ты как думаешь?

– На лугу. Коровка собирает травку. Травка потом в коровке вот перерабатывается, вот перерабатывается, перерабатывается и выходит из коровки молочко. Сразу прямо в пакетах!

Лапу остужаю!

Я открыл холодильник. Сунул руку далеко в глубь холода.

– Ну, ты зачем распахнул холодильник?
– Лапоть остужаю! Ой, лапу!

Угроза

Сегодня едем на смотрины (на вступительные экзамены) в МГУ.
– Пошли почище умоемся.
– Холодной водой???
– Только холодной.
– Я скажу, чтоб холодную воду отключали по утрам!!!

О дерущихся ногами

– В войне ножки болтаются. А руки с кулаками отдыхают!

Колеблющийся

– Мама, что дороже? Уговор или деньги?
– Уговор.
– А если деньги ну о-о-оч-чень большие?

Все совмещённо

– Пап, а почему человек дрожит?
– От холода… От страха… Ты дрожал когда-нибудь?
– Когда рождался. Мне было холодно. Это я в первый раз дрожал. А потом я ещё тыщу разов дрожал. И с холода, и со страха. Всё совмещённо!

И не разрешай!

– Сын, я не разрешаю тебе это делать!
– И не разрешай. Я сам разрешусь!

Жэлюзи?

– А почему детсадовская воспитательница Галина Михайловна жалюзи называет жэлюзи? Неправильно же! Откуда она всё это выдавливает? От верблюда? Или из верблюда?

Взаимность

Утром был дождь.
К обеду всё высушило.
– Кругом сушь, а у тебя сапоги по самое некуда в грязи. Где ты лужи находишь?
– Да это лужи меня сами находят! Я их совсемушки не трогаю. Бегу, а они смеются и на меня брызгаются!
– Лужи?
– Ну не я же! Я только в ответ на этих задир брызгаю!..

Мать ставит мат

Играю с мамой в шахматы.

– Мат! – сказала мама.

– Ой! – сказал я, зажал в кулачок штаники и прямой наводкой в туалет. Побрызгать.

Вчера я амкнул у мамы короля, сегодня – мама. Зато у папы я только выигрываю. Я учу его играть в шахматы.

Снова присаживаюсь к столу играть. Пою маме свою сочинилку:

– Разрешите к вам подсесть.
Короля хочу я съесть!

Ничего…

У маленького Гарика мама тоже выигрывала. Но кто стал чемпионом всейского мира?

Спрашивание

– Почему ты не спрашиваешь, когда берёшь чужие вещи?

– Некогда. Их надо быстро-быстро взять!

Тонкая и толстая

Кухня.

На стене круглые часы с горами в снегу.

Интересно, почему секундная стрелка худая, а часовая – жирная коротулька? Потому что секундная бегает, бегает, бегает! Некогда даже поесть. А часовая шестьдесят минут стоит почти на месте и ест, ест, ест и толстеет, толстеет, толстеет.

Без движения ж!

Откровение

– Пап, тебя видно не только из космоса, но и с твоей кочки зрения.

Неразбудимый

– Папа! Ну разве ты не видишь, что я не могу открыть глаза? Ну перестань приставать! Не буди! Не мучайся напрасно… Нет, ты не отец! Ты пума бездомная! Ты не чувствуешь, что ты надо мной издеваешься?!.. Ну ты что, в чужом уме?.. Может, ты и в своём уме, но сошёл с умной дистанции! Ну разве ты не видишь, что я неразбудимый? Ну не приставай же ты к маленьким!.. Несочувственник!

Наши в космосе

– Пап, а ты знаешь, что самолёты летают в тропосфере?

– Да вот, родненький, узнал от тебя.

– А сверху есть ещё четыре этажа! Стратосфера! Мезо-сфера!! Термосфера!!! Экзо-сфера!!!!

– Господи! Да куда тебе топать через неделю в первый класс?! Тебя надо сразу на последний курс Сорбонны! В Сорбонну его, в Сорбонну! И боль никуда!

– Да ладно тебе про эту Сор… сорную бонну… Энциклопедию читать надушки!

25 августа 1998. Вторник.

Интерес

– А во-он пошла интерее-ее-есненькая тётя. Она такая круглая-круглая, что нигде не кончается!

Звездопадик

За два дня я получил аж четыре пятёрки. Не цифрой 5, а наклейками.
Очень уж много наклеек.
Прямо звёзды падают в тетради!

Оправдание

– Сын, ну зачем ты снова сказал *ты* сегодня Ларисе Соломоновне?
– Пап! Я запутался в этих *ты-вы!*
– Давай распутывайся! Всем взрослым говоришь *Вы. Вы!*.. Запомнил?
– А родителям?
– Конечно, *ты.* Как самым близким…
– А учительница разве далёкая?

Возраст

– Гриш, тебе сколько лет?
– Шесть, Вик.
– А мне семь!
– А-а! Понял, почему ты на год старше. Я учусь в первом бэ, а ты в первом вэ!

Осень в Ясеневе

С РИФМАМИ НА «ТЫ»

Я прозаик и с рифмами никогда не знался. Но вот родился у меня сын, и... пришлось заговорить стихами. Он вообще у меня очень ранний, мой малыш: в три года сочинил свою первую сказку про кошку, и я записал ее на пленку, а к пяти он уже сам стучал на машинке. Бывало, я записываю очередную фантастическую историю, приключившуюся с ним, а он стоит рядом и ревниво следит, все ли я правильно излагаю. Не дай Бог переиначить его слова, или даже просто допустить опечатку — тут же вмешается: «Папа, ты неправильно написал — исправляй». В шесть лет он перешел на самообслуживание — начал печатать свои истории сам, да так бойко!

Стали мы с ним «наперегонки» стихи сочинять. А то еще — я задаю ему первую строчку, а он продолжает. Например, я говорю: «Дождь гулял под зонтиком», а он подумал и выдал:

Дождь гулял под зонтиком
По радуге весь день
И вдруг свалился с радуги,
Споткнувшись о плетень.

Или вот еще такой «сюжет»: купили мы с ним как-то сапоги, и он тут же сочинил:

Купил я сапоги бегучие,
Веселые, знатные, летучие —
Летать им над сыпучими
снегами
И над спесивыми
смеяться холодами...

Со временем стихи становились все «взрослее», все поэтичнее. Как, например, вот это:

В Ясеневе осень —
Что милей бывает?
В Ясеневе осень,
Сердце обмирает,
Из окошка дома —
Золотые дали —
Ничего отрадней
Очи не видали...

Вот так мы с ним и живем — с рифмами на «ты».

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ-старший.
Верно — С.-младший.

В Ясеневе осень.
Что милей бывает?
В Ясеневе осень.
Сердце обмирает.
Из окошка дома —
Золотые дали.
Ничего отрадней
Очи не видали.

8 октября 1997. Среда.

Прогулка дождя

Дождь гулял под зонтиком
По радуге весь день.
И вдруг свалился с радуги.
Споткнулся о плетень!

25 августа 1998 года. Вторник. (Газета «Труд»,№ 113 за 2000)

Сапоги

Купил я сапоги бегучие,
Весёлые, знатные, летучие.
Летать орлику над русскими
снегами
И над спесивыми смеяться
холодами.

21 ноября 1998. Суббота.

Опечатка

– Почему математику не до конца сделал? Почему не решил пример 4–0 + 1–7 =?

– Его, па, не надо решать. В учебнике опечатка! Мы работаем в пределах десяти. Значит, пример надо было составить так: 4–0 – 1 + 7 = 10. Я сказал это Ларисе Соломоновне, а она всему классу: «Последний пример нереша-емый. Не решайте! Там опечатка!"

– Григореску! Да ты умней учебника?!

– Никто в классе не заметил. Даже Лариса сама Соломоновна зевнула. Только я как-то сшустрил… Нечаянно…

21 декабря 1998. Пони /понедельник/.

Конь

Девочка Ксюша сказала мне обиду:

– Козёл!

– Сюша, а ты знаешь, что это слово плохое?

Козлоконь Козлоконь

– Я не про тебя! Я про настоящего козла!

– А-а… Тогда ты обозналась. По-настоящему я конь! Запомнила?

Разговор ржанием с учительницей на англе[1]

– У нас в школе цирк получился.

Папа спрашивает:

– Какой?

– Такой. Ольга Викторовна Госс проверяла английские кроссворды. Я их на переменке выполнил. Ольга Викторовна подошла ко мне, посмотрела на английский кроссворд мой. И сказала:

– Гриш! Чего у тебя буквы такие большие?

– Выросли!

– Чем ты их кормил?

– Овсом.

– Что, ты лошадей любишь? – спросила она.

– Люблю, – сказал я, прождав десять секунд, и: – И-и-и-го-го-го-го-го-го-го!!! – очень громчайшо[2] закрикакал[3] я. По-лошадски![4]

И Ольга Викторовна очень удивилась, но не стала меня ругать. Она осмотрела мой кроссворд. И рядом с обозначением, какая страница, поставила пять. И расписалась. Красно.

И в дневник красной ручкой поставила мне красную пятёрку. И тоже расписалась как там, в дневнике, положено.

Письмо бабушке в Гай

16 февраля 19999999999999999 года.

Здравствуйте, дорогая бабушка Нина!

Пишет Вам Ваш внук и поздравляет Вас с 8 Марта! Дорогая моя бабушка, желаю Вам здоровья и счастья!

Бабушка, я Вам пишу самое первое письмо в жизни!!!

Я люблю Вас больше всех!

А ещё я люблю (прямо обожаю) лифт и лошадей!

Ходим с папой в 22-этажные дома. Синие. Заходим в грузовой лифт. Катаемся. Вверх-вниз! Вверх-вниз!

Я живу хорошо! Приезжайте гостить пораньше в мае!

До свиданья!

Бабушка, найдите школу без домашнего задания!

Сейчас у меня гриппозно-мухоморные халтуркины каникулы. А кончатся каникулы – папанька потащит меня на канате вместо лифта в школу!

В этой школе одни муки!!! Походите, пожалуйста, по школам в Гае, в Орске, в Оренбурге, в Нижнедевицке, в Тикси, в Магадане, в Токио, в Мельбурне, в Осло, в Париже, в Рио-де-Жанейро, в Вашингтоне, в Веллингтоне…

---

[1] *Англе*– экзотическое слово английский.

[2] *Громчайшо* – слово, которое обозначает очень громко.

[3] *Закрикакал* – перекрученное слово закричал.

[4] *По-лошадски* – по-лошадински.

Как найдёте мне школу, где нет домашних и классных работ, так мы с Вами туда и поедем. Учиться. Спешите!

Надо найти до окончания мухоморных каникул!
Ваш любимый внучек Гриша!
Далматинчик.

16 февраля 1999 Вторнёк.

Я рос у папы на багажнике.

Выпали глазки

– Пап, а есть не настоящее, а образное выражение *выпали глазки*?
– А что это означает?
– Это когда не знаешь, что делать. А когда знаешь, что делать, они не будут выпадать.
– Выпали глаза… Гм…Это немножко похоже на выражение *разбежались глаза*.
– Друг от друга? Они ж далеко друг от друга живут!
– Нет, недалече. Всего-то лишь за горкой носа.

Крылья

Ужастик

Однажды один мальчик выключил электролампы.

Учитель хотел побить этого мальчика, как вдруг у него выросли крылья, и он вылетел через окно.

А его родители сказали быстро:

– Осторожней, Петя! Расшибёшься!!!

– Да нет! У меня крылья!!! – крикнул Петя.

– Что? Что?! Крылья??!! Зачем они тебе?

– Ух! Для того чтобы в любую секунду вылететь через окно любого класса и улететь от драки, от пристающих. А ещё чтобы не спускаться по ступенькам и не ходить по всей школе, а просто открыть окно…

– Знаю, знаю! – в испуге закричала мама. – Но ты можешь разбиться!!!

…– и спуститься на крыльях, – договорил Петя.

Он снова взлетел на крыльях к третьему этажу, и крылья у него отпали.

Учитель настегал его ремнём, и урок начался хорошо и удачливо.

Расстрой

– Пап, я сегодня схлопотал три пятёрки. Но когда придёт мама, ты скажи ей как убитый:

«Вот… дожили… до светлого праздничка… Наш сегодня в поту добыл ко-ол по поведению. Еле-еле донёс. Ко-о-о-о-л!!!»

«За что?» – обязательно спросит мама.

А ты не спеши отвечать. Дай ей поглубже войти в расстрой. Вздохни и добавь:

«Это ещё не все его громкие успехи. Он ещё две двойки припёр. По мать-и-мачехе и по русскому. Причина одна. Не сделал домашнее задание».

Папа и скажи, как я научил.

Но мама обрадовалась:

– Всё вместе – пять! Отлично!

С видом на Волгу, или рука без подружки

Мои первые летние каникулы!

Уже на второй день лета я с мамой и папой приехал электричкой в Конаково. Потом ещё немножко прокатились на автобусе.

До Карачарова.

И влетели в санаторий «Мать и дитя».

Тётя в регистратуре сказала:

– Вам номер с видом на лес или на Волгу?

– С видом на Волгу! – быстрей всех крикнул я, и Волга осталась за нами.

Мы быстро занесли вещи в свою комнату, и ещё быстрей втолпились все на балкон. Смотреть свой вид на Волгу.

В просветах между ветками тяжёлых сосен далеко сверкала вода.

Я первый раз видел Волгу.

Она была широкая и длинная.

Мы умылись, немножко посидели и засобирались провожать папу. Раз папа был у нас ни то ни сё – ни мать ни дитя, – то ни под каким видом ему нельзя было дольше здесь и оставаться. Привёз своих и учаливай!

Мы пошли провожать его до автобуса.

Было тихо, тепло.

Вдруг папа погрустнел.

Погрустнела за ним и мама.

Я посмотрел, куда они смотрели, и тоже заогорчился.

За канавкой с водой бугорок окашивал дедушка. Он был старенький. В такой же старенькой одежде. И по лицу ручьился пот.

У дедушки была всего одна рука. Как он косил одной рукой? Наверно, подумал я, одной руке трудно и невесело без подружки, без второй руки?

Второй руки у дедушки не было.

Так прямо сказать нельзя было. Была. Только испорченная. Без кисти. На запястье блестел короткий кожаный грязный чехол.

Этим огрызком руки он ловко припинал к сердцу рогульку посреди косы и косил очень сноровко. Травы только охали и падали.

Автобус увёз папу. Взамен него оставил нам посреди земли лишь шаткий комок пыли.

Поднялся ветер.

Сердито зашумели на нас деревья.

Стало холодно.

Я с мамой побежали в свой двести четырнадцатый номер. Молчали.

И вид на нарядную, в белых парусниках, речку нас уже не трогал.

Я с мамой выпросились в номер напротив. В двести седьмой.

С видом на лес.

2 июня 1999. Среда. Карачарово, Тверская область.

У Полли

Сегодня мама привела меня на качели.

Катаюсь я, катаюсь себе, прикупаю радости и вдруг вижу: совсем напротив, среди деревьев возбегается ввысь настоящая каменная гора с орлом на вершине.

Со всей скоростью я побежал к этой горе.

В боку горы, у самой земли, пряталась и грелась на солнышке мраморная узкая лестничка. Раньше, с качелей, я её не видел за острыми зубцами.

Я быстро взлетел по тёплым ступенькам к верху горы. К орлу.

Я обнял орла, выпрямился – и стал выше орла!

Высоко летает гордый орёл. Но неисправность вознесла меня выше! Аж дух чуть подломило.

И я потихоньку спустился по лесенке на противоположную сторону горы.

И тут я увидел. От горы отходила мраморная полоска. На полоске розовел камень с гладким одним боком. Со старыми французскими буквами:

Полли

1904–1913

Преданность ее была беспредельна

Полли бультерьер. (Собак я люблю. Особенно таксочек.)

Когда Полли умерла, её похоронили вот тут. На берегу Волги. Рядом с тем местом, где она спасла девочку. Та девочка тонула.

Говорят, Полли положили в могилу лицом к Волге.

И добрые, знаменитые карачаровские хозяева Гагарины поставили ей этот памятник.

Все любят сниматься у Полли. Мы с мамой тоже снялись.

На память.

4 июня 1999. Пятница. Карачарово, Тверская область.

Зачем ты учишься?

– Вик, зачем ты идёшь в школу во второй класс? Недостаточно одного?

– Тебе, Гриш, может, и сверхдостаточно. Но мне маловато одного класса. Я иду учиться. Чтоб умной быть!

– Ой-ой-ой!

– Да! Чтоб хорошо работать!

– Пр-равильно! Работать да ещё хор-рошо!

– Конечно! Надо очень хорошо поработать, чтоб много денюшек дали!

– А зачем тебе деньги?

– Ты что, с Луны бултыхнулся? На деньги можно покупать вещи! А без вещей чего носить будешь тогда?

– Котёнка! Он всегда тёплый… Теплячок… Согреет…

– Ага!.. Не голыми же нам оставаться!

– Ви-ичка!.. Какая ты уже сейчас вся умная. Ты уже сейчас знаешь всё, всё, всё! Куда тебе ещё учиться? Это уже просто сверхлишнее.

1 сентября 1999. По пути в школу.

Первая пятёрка

На уроке математики Лариса Соломоновна сказала:

– Ты достоин только кошки!

– Нет, мне собаку!!!

– Ну, где ты видишь тут собаку? – показала она свои наклейки.

– А вот это что?

– Это медведь.

– Хоть что это… Пускай кому медведь, а мне собака. *Красивая*! Ни у кого нет такой!.. И давайте, пожалуйста, мне оценки только собаками!..

У медведя была вытянутая мордочка, как у шелти. Глаза умные, как у дратхаара. Ну чем этот медведь не собака?!

Мы с папой шли из школы домой.

На улице везде проявлялось солнце.

Нам на пути встретилась таксочка Рамина. Такая сладость! Она с бабушкой пришла встречать моего одноклассника Арсения Фролова.

– Моя хорошенькая… Моя миленькая… Раминочка… Р-ряв! Р-р-ряв!!

Посмотрела на меня Рамина внимательно и вежливо промолчала.

– Раминочка, – сказала бабушка, – поздоровайся с Гришей.

Бабушка наставила на Рамину строгий палец. Твёрдо сказала:

– Рамина, голос! Голос!

Рамина трижды нежно гавкнула.

Бабушка сказала мне:

– Погладь Рамину. Она не кусается.

Я тихонько погладил её по спинке, потом за ушиками и взвизгнул от счастья! Смех во мне сам завёлся. После каникул я первый раз гладил собачку!

На всё это папа смотрел как-то неприручённо. Его понять можно. Его дважды кусали собаки. Даже в больнице лежал.

Как обычно, по пути мы заходим за молоком. На ступеньках магазина я и спроси:

– Пап, у меня над глазами нет жёлтых пятен?

Папа испуганно уставился на меня.

– Да ты не бойся, – сказал я. – Эти пятна я видел у Рамины.

– Нет! Ничего я у тебя не вижу! – почти прокричал папа обрадованно.

А я огорчился.

2 сентября 1000 + 999 = 1999. Четверг

Удивил!

Ну каким секретом удивить мне папу?

Думал я, думал, думал и придумал.

Вернулись мы с папой из школы.

Поели, что он там приготовил, и пошли в мою, в собачью (я ж собака!) комнату. Одомашниваться. Делать вместе мои домашние задания.

Раскрыл папа дневник, и глаза у него побежали вверх. Добежали почти до потолка.

– Это что ещё за морзянка? Ты почему не записал нормально задание по русскому? Куда проще! Пиши обычными цифрами номера страницы и упражнения. Так нет. На точки его повело! Ну что это за пунктирная карусель?

Я обрадовался.

Наконец-то хоть разик запутал папу!

Но уже через минутку я поскучнел. Целую половину секрета моего папа разгадал!

Он смотрел, смотрел на мои точки и:

– Ну… Страница четырнадцатая. Докопался. Тэ-экс… А номер упражнения? Двадцать девятый? Ну-ка, уточни.

Я уставился на свои точки, и теперь пришла уже моя очередь удивляться.

Точно помню, что писал и двойку, и девятку.

Но куда они провалились?

Двойка уже как и не двойка. А вся тройка. И девятка уже почему-то покруглела, как нуль. Вылитый.

Выбилась в ноли!

Не мог я век гадать на глазах у папы. Не мог и с лёта соглашаться с его догадкой. И смело выкрикнул:

– Тридцатый!

Под наблюдением папы сделал я это тридцатое упражнение.

Тут он снова сунулся в мой дневник. Хотел узнать, что задали уже по математике. Но ничего не узнал. Так я его и тут запутал.

Всё б ничего, да сильней папы я запутал себя. Сам ничего не мог разобрать в своих же секретах.

Папа рассердился.

Позвонил сам домой моей одноклашке Рите Серёгиной. Я с ней за одним столиком в классе сижу.

Оказалось, надо было делать именно то упражнение, про которое говорил папа.

Своими секретами я наказал самого себя.

Пришлось выполнять и второе упражнение. Двадцать девятое.

Удивил!

Но за одним удивлением прибежало другое.

За каждое упражнение я получил по пятёрке!

То б была одна пятёрка. А то целых две! Всё-таки две больше.

В один день! По одному предмету! В одни руки!

ГАЗЕТА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Пионерская правда

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ 42

Газета основана 6 марта 1925 г. ● 12 ноября 1999 г. ● № 42 (8644 – 8645)

— Гриша САНЖАРОВСКИЙ

Удивил!

Каким секретом удивить мне папу?

Думал я, думал и придумал.

Вернулись мы с папой из школы. Поели и пошли в мою комнату. Одомашниваться: делать вместе мои домашние задания.

Раскрыл папа дневник, и глаза у него побежали вверх. Добежали почти до потолка.

— Что это еще за морковка? Ты почему не записал нормально задание по русскому? Куда проще! Пиши обычными цифрами номера страницы и упражнения. Так нет. На точки его повело! Ну что это за пунктирная карусель?

Я обрадовался. Наконец-то хоть разик запутал папу!

Но уже через минутку я поскучнел. Целую половину секрета моего папа разгадал!

Он смотрел, смотрел на мои точки и:

— Ну... Страница четырнадцатая. Докопался. Тэ-экс... А номер упражнения? Двадцать девятый? Ну-ка, уточни.

Я уставился на свои точки, и теперь пришла уже моя очередь удивляться. Точно помню, что писал и двойку, и девятку. Но куда они провалились? Двойка уже как и не двойка. А вся тройка. И девятка уже почему-то покруглела, как ноль.

Не мог я век гадять на глазах у папы. Не мог и с лёта соглашаться с его догадкой. И смело выкрикнул:

— Тридцатый!

Под наблюдением папы сделал я это тридцатое упражнение.

Тут он снова сунулся в мой дневник. Хотел узнать, что задали уже по математике. Но ничего не узнал. Так и его и тут запутал.

Папа рассердился. Позвонил сам домой моему однокласснику Роме Замкову.

Оказалось, надо было делать именно то упражнение, про которое говорил папа.

Своими секретами я наказал самого себя. Пришлось выполнять и второе упражнение. Двадцать девятое.

Удивил, называется!

Но за одним удивлением прибежало другое.

За каждое упражнение я получил по пятерке!

То б была одна пятерка. А то целых две!

В один день! По одному предмету! В одни руки!

И я тихонько засмеялся на уроке, когда впервые раскрыл тетрадку с двумя новенькими пятерками.

Я не хотел смеяться.

Мой смех сам высказался...

Гриша САНЖАРОВСКИЙ,
ученик 2-го "Б" класса, школа № 765, г. Москва.

Первая публикация рассказа «Удивил!» в «Пионерской правде» 12 ноября 1999 года. Конечно, всё то, что круто наворочено вокруг текста, – наши с папой прикольчики.

И я тихонько засмеялся на уроке, когда впервые раскрыл тетрадку с двумя новенькими пятёрочками.

Я не хотел смеяться.

Мой смех сам высказался…

Хоть бы раз наоборот…

– Ну, сынку, отучился ты во втором полсентября. Какие успехи?

– А разве, пап, ты сам не знаешь? Еду пока без троек… Пятёрки… Прошмыгивают четвёрки… Да…

– Что так кисло вздыхаешь?

– Сладко не выходит. Я всем учителям говорю *Вы*. В ответ все учителя говорят мне *ты*. Или они сговорились?.. Я всех их без разбору слушаюсь. А они меня нет. Разве я маленький? Хоть бы разок… хоть бы понарошку сделали наоборот-наобормот…

Плач

Мы проходили согласные.

Антоняк спросил учительницу-чернильницу:

– А почему, когда люди плачут, они забывают про согласные и тянут только гласные звуки?

И Лариса Соломоновна ответила:

– При плаче ты ж не будешь, как паровоз, п-п-п-п-п-п-п-п-пых-пых-пыхтеть?!

На учениях

– Гриш, я тренируюсь учительские ставить оценки.

– Как это, Вик?

– Просто. Допустим, учитель ляпнул мне в дневник двойку. А я резинкой стираю или лезвием и культурно сажаю на том месте четвёрку. И мамочке покой обеспечен. А то она у меня постоянно переживает. Потому что у меня каждую минуту чэпэ случается. Вот только что я чуть в ванне не утонула. Мама вынула меня оттуда шваброй.

Падежики

Падежи озоровать хороши.

У меня была самая расстроенная неделя, когда я впервые встретился с падежами.

Они подняли меня на смех. Баловались, толкались, перебегали с места на место, и я никак не мог запомнить, кто же за кем должен идти.

И тогда я придумал стишок. Каждое слово начиналось с той буквы, что и очередной падеж.

Илья рисует Дашу.
Вика тихонько пляшет.

И падежики послушно выстроились в порядок.
И совсем позабыли, как скакать с места на место.

Фантазия «Падуны»

Однажды я возбежал на гору.
А на горе на меня напал ветер.
Ветер сдул меня, и я покатился кубарем к столбу. Прямо в этот столб упал.
Столб подумал и тоже упал.
Я немножко отдохнул и покатился дальше.
Вниз.

Гроза

Когда я был маленький, я очень боялся грозы.

Мне было неприятно, когда сверкает молния и гремит гром. Я боялся, что молния войдёт в меня и стукнет.

Я прятался от неё и на улице, и дома.

За двухконфорочную газовую плиту зайду, закрою глаза крепко-крепко и жду, пока гром не умрёт совсем.

Однажды в грозу ко мне подошёл папа.

Положил руку мне на плечо, легонько тряхнул:

– Ну, молодой человек, почём у нас нынче дрожжи?

Я молчал.

Я боялся поднять голову и увидеть окно, за которым страшно ругались между собой гром и молния.

– Дрожишь? Значит, греешься?

– Я не замёрз, – буркнул я.

– Уже прогресс. А что дрожишь, так это всё нормально. Всем в грозу жутковато. Это только дурак ничего не боится. Так на то он и дурак. А ты бойся себе на здоровье и тихонько говори сам себе: всё равно не боюсь! всё равно не боюсь!! да всё равно ж не боюсь!!!

В грозу я часто прятался за папу, сильно сжимал глаза и шептал про себя:

– …н-н-н-н-н-н-н… б-б-б-б-б-б-б… н-н-н-не-е-е… б-б-б-бо-о-оюсь…

Постепенно я всё меньше боялся грозы.

А сейчас и совсем не боюсь. Даже хихикаю, когда шумят-склочничают гром и молния.

Не боюсь!!!

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 22 – 28 мая 2002 г. № 20 – 21 (5878) 16

ОТЦЫ И ДЕТИ «КЛУБА ДС»

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

Пирожок

Смекалка? У нас муж сколу убил. Пирожком.

Все Ясенево так и присело.

Что за пирожок? Где добытый? Кем выработанный? Чем начиненный?

Без суда разве доедешь до истины?

И вот уже на суде, из-за решетки, муж раскладывает правду-матку по полочкам. Кается...

– Не убивал я... Мы ж двадцать два года отжили!

Зал не поверил. Уточнил, наводящий подкинул вопросец:

– Может, тебе просто однажды было?

Махнул муж на глупость рукой и продолжал так:

– Хозяйка была без вопросов. Что с лица, что характером... На кухне... Все могла! И чай вскипятит! И так вдруг! Он у нее капел, не знал куда деться. Свистел как решимый!.. Значит, вскипятит... И даже кальет... Все могла! Вот только с пирожками не задала.

А я пирожки любил... Пережаток барский...

Вижу, хочется ей мне угодить. Горячо. Наливает целую тарелку. И тогда обоих нас красавец. Она – за свой труд. Я – за свое бесплатное съесть те пирожки. Без долота ж, без зубила, без молотка, без пилки не подошла к тем пирожкам!

За месяц с гаком я с зубилом пополам одолевать-таки эту горку и больше я страх не заикаться про пирожки года слова.

Но любовь не мрет. Года через три снова подарит горкой. Один железней другого.

Раз пирожок упал ей на ногу.

– Как каменюкой кто отбомбардировал! – поделилась впечатлением от того удара.

Полмесяца честно отсидела на больничном.

А тут Восьмой находит март. Из пирожки потянуло «падающего» символа. Думаю, надо всерьез браться пирожковый редут. Накупил ей килограмма с два кулинарных книг. Одна «Традиционная русская кухня» толще кулака. А «Большой рецептурный кулинарный словарь» и того толще. На то и «Большой»! Но мне мало. Так я еще разбежался и на целую «Энциклопедию вышечки». Будем по науке печь! Гладишь, умнем каменные пирожки.

Вижу, сушу в голову, к книжкам-подаркам что-нибудь и от себя преподнесть. Тут у меня сынок вопрос, побежал шестилеточка в первые классы. Ну-к, сынок, потренируй руку, давай нарисуем мамке поздравленьице по случаю случайно случившегося случая.

«Дорогая мамочка! – живо-два сэкзает буквы-лягушки на открытку. – Поздравляю тебя с праздником 8 Марта и желаю много-много всего-всего, чего ты хочешь. А я хочу мягкий пирожок!» И кинул завитую петлю подписи.

«И я», – черкнул я ниже. Против слова «Куда» накрутил: «Планета Земля». И после «Кому» вывел: «Мамочке любимой!!!»

Восьмого утром сын с открыткой, я с книгами двинулись на кухню поздравлять нашу единственную на всю квартиру красавицу. Сын чинно прочитал открытку, заработал искреннее «спасибо». Я подал книги свои – обвилась ими на эти книги с нами, поцеловала в щеку. И на звучала.

Отлично, Григорий!

С нескрываемой радостью администрация встречает молодые дарования. Вдвойне радостной была встреча с Григорием Санжаровским. Ведь его привел в «Клуб ДС» давнишний автор 16-й полосы писатель (а по совместительству – папа) Анатолий Санжаровский. В свои десять лет Григорий многое успел. Он написал и издал книжку «Смешинки от Гриши», с отличием закончил начальную школу и теперь успешно учится в седьмом классе, попал в Книгу рекордов России, стран СНГ и Балтии как самый молодой писатель. Этот солидный список продолжается сегодня первой публикацией в «Клубе 12 стульев». Отлично, Григорий!

– Я тоже хочу что-нибудь маленького... – промямлил я.

– Значит... будет... – и запустила тесто.

Я поверил, что пирожка и впрямь выбегут из духовки пушистые. По случаю праздника. Ничего ж непозволительного я не хотел. Я просто хотел откусить от пирожка. И очень хотел. А потому добросовестно кусанул!

Пирожку хоть бы хны. Ни вмятинки, ни царапинки.

Зато зуб у меня дрально хрустнул и трухой рухнул на пол.

В ужасе глядя на свою потерю, я запустил этот пирожок в его творца. С распоряжением:

– Сама исполь – сама и кушай!

Но кушать ей уже не довелось. Пирожок был тяжеловат, будто в него запекли ком золота. Это не я... Это досада... Это поломанный зуб кинулся пирожком!..

На сломанный зуб суд и повесил всю эту

Григорий САНЖАРОВСКИЙ

Падежики

Падежи оказались хорошие.

У меня была самая расстроенная неделя, когда я внезапно встретился с падежами.

Они подняли меня на смех. Баловались, толкались, перебегали с места на место, и я никак не мог запомнить, кто же за кем должен идти.

И тогда я придумал стишок. Каждое слово начинаюсь с той буквы, что в очередной падеж.

Иван рисует Дашу.
Даша танцует
вальс.

И падежная послушно выстроилась в порядок.

И совсем позабыли, как сидеть с места на место.

Гроза

Когда я был маленький –

Мне было неприятно, что да скрежет металла и гром. Я боялся, что меня войдет в меня и сгложет.

Я кричался от него в уши, в душу.

За двухкомфорочную комнату плату майку, закрою глаза крепко-крепко и пока гром не умрет совсем.

Однажды в грозу ко подошел папа.

Положил руку мне на что, легонько тряхнул.

– Ну, мощной человек, почем у нас такие дрожи?

Я молчал.

Я боялся поднять голову и увидеть окно, за которым страшно ругались между собой гром и молния.

– Дрожишь? Значит, сопли?

– Я не замерз, – бурк

– Уже прогресс. дрожишь, так это во малым. Всем в грозу жутко, Это только дурак и его не боится. Так на дурак. А ты бойся со здоровые и читально сам себе: все равно ш Все равно не боюсь! рано ж не боюсь!

В грозе я часто пре за нашу, сильно сжимал в шептал про себя. <...> в-в-в-а... б-б-б-б-б-б-б... в-вс-е-е... б-б-б-бо-о-ось.

Постепенно я все мо боялся грозы.

А сейчас я совсем не ясь. Даже хихикаю, к шумит-скатывают т молния.

Не боюсь!!!

Интерес

– А во-он пошла ее-сестренкая тетя. Он круглая-круглая, что не кончается!

Кто наш мама

– Пап, наши мяч ная горилла!

– Ты что кричишь?

– А кто ж она? Уже рано-рано-рано убе на работу. Вечером по поздно-поздно-поздно с работы. В выход пять бегом на рабо бегает, и бегает, и бе Как звезда?.. И горит

Первая публикация рассказов десятилетнего Григория Санжаровского в «Клубе 12 стульев» «Литературной газеты» 22 мая 2002 года.

Не разлей вода

У меня есть маленький щеночек.
Далматин.
Он хорошенький, белый в крапинку.
Я дал ему кличку Рекс.

Есть у меня и кот Пушок.

Вместо будильника меня будит по утрам своим лаем Рекс.

Рекс и Пушок любопытные.

Всегда подсматривают, как я делаю уроки, и тоже учатся.

Как я сделаю в тетради ошибку, Рекс гавкает, а Пушок мяукает. Переживают за меня, предупреждают. Они больше меня боятся моих ошибок. Потому что у меня по русскому ух и строгиня учиха. Без единой ошибульки сделай задание, но хоть одно слово напиши не так красиво или подчеркни случайно что там не карандашом, а ручкой, – всё, отдыхай! Можешь не волноваться. Два! И рядышком крас-ное указание «Старайся!»

Как поделаем уроки, все втроём идём во двор гулять.

Рекс добрый, никого не кусает. Ему это даже неинтересно!

Рекс с Пушком бегают по двору. Щиплют травку. Никогда не ссорятся. Играют.

И меня в игру зовут.

Но я и без зова вот он вот. В игре.

По вечерам мы втроём смотрим из темноты застеклённой лоджии на проезжающие мимо машины, на весёлые ясеневские огонёшки.

Смотрим и вздыхаем.

Нам неохота расставаться даже и на время сна.

Мама

Моя мама красивая, добрая, хорошая. Она стройнее всех.

Она ласковая.

Мама любит, когда мы с папой приезжаем неожиданно к ней на работу.

На работе мама готовит нам кофе с бутербродами.

Я с нею играю, работаю на компьютере. Смотрю с нею, как собака-акробатка прыгает, бывает в разных весёлых позах. Собака ж механическая!

При прыжке собака переворачивается в воздухе и опускается то на ноги, то на бок, то на нос, то на спину.

Поиграю с мамой, поработаю на компьютере, и мы отправляемся все вместе в Измайловский парк (это совсем рядом), где я с мамой катаюсь по кругу на паровозе, на качелях.

Мне с мамой всегда хорошо.

Я даже сплю с нею в ночи под выходные и праздничные дни.

Забывчивая

– Мам, а как я залез к тебе в животик?

– Я, сынок, уже и не помню…

– Какая ты забывчивая! Если я понапихаю в карманы к себе какие железяки, я всегда помню, откуда они взялись.

Мы просто обнялись любвя

После болезни пришёл я в свой второй бэ и сразу нарвался на приключение.

Увиделись с Димой Черкасом. Мы просто обнялись. Он меня не так крепко обнял, как я его. Целую ж неделю не виделись!

Я просто обнял Димкулю любвя!

А Лариса Соломоновна ничего не поняла.

Она вообще никогда ничего не понимает! Стала нас растаскивать. Боялась, будто мы собирались задраться. Хотела раскидать друг от дружки на части. И не смогла растащить.

Какая она слабу-улька-булка… эта наша Ба! Шилова!

Ручка

– Сын, я же просил тебя в новом дневнике не писать что попало. Это что за кривуляка?

– Я её не писал. Это ручка нахулиганила. Сама упала на дневник и тут же дневник превратился в грязник. Вот доем твой красный борщ, ух изобью её! Писать ею не буду! Пока хорошенечко не попросит!

Реформатор

– Пап, почему ты не стал учителем? А я хочу!

– А кто ещё вчера горел стать водителем?

– Ну и что? Я и сейчас хочу стать водителем. Один день учителем буду работать. Один день водителем. У меня в школе ребята будут в два раза меньше получать двоек. Потому что через день будут учиться. И отдыхать через *каждый* день!

Откуда берутся подарки?

– Вик, я сегодня не спал до четырёх часов. Родители уложили меня, ушли. А я потихошку встал у себя в комнате, включил одну синюю слепую лампочку и написал письмо Деду-Морозу. Ты не писала?

– Не тупи! Что я, с головки съехала? Я со старичьём не переписываюсь. Я старчикам записочки не шлю!

– А я написал. Знай, Дедко-Мороз, что именно мне дарить! Я так и настрогал в блокнотике Микки-Мауса: «Дедушка Мороз! Подарите, пожалуйста, пёсика, кошечку, книгу „Змея вытянутая“, настоящую железную дорогу, гирлянду в 399 огней, лифт игрушечный, этажерку в шесть этажей, дом в восемь этажей, 15 журналов». Приставил нарядное послание к ёлке на столике. Лежу жду. Я хотел подглядеть, как Дед-Мороз принесёт мне подарки. А Дедоня всё не нёс, не нёс… Я и засни. А просыпаюсь – под моей ёлкой в моей комнате на столике ксилофон, альбом-календарь про далматинчиков моих любимых… А рядом на стуле че-ты-ре книжищи Акимушкина «В мире животных»! Там и про змей, вытянутых и скрюченных, там и про червей!.. Про что и не хочешь! Столик не выдержал бы этих животных и упал. Потому книжки положили рядом на стул.

Я просил совсемушки мало! Потому что всё у меня есть. Собак-кошек книжных, конечно, у меня полный угол. И гирлянды по всей моей комнате, по кухне. И железная дорога с гудящим паровозом есть. А новую я попросил так, про запас… Да и не про запас. А просто так. Писал, что на ум набежало, и побольше. Чтоб я смог располучше рассмотреть Мороза, пока он будет читать. А напиши мало – быстро уйдёт! Накрутил с вагон – всё равно не увидал даже! Деда-Мороза я не видел. А откуда тогда подарки свалились? С неба?

– С Меркурия!

– С созвездия Гончих Псов!

– С Солнца!

– С Солнца сгорят!

– А может, с Марса?

– Гриш! А ты не пробовал очутиться на Марсе? А я была на Марсе! В бочку напихала бенгальских огней, хлопушек там разных. Всё подожгла и меня вместе с бенгальскими огнями подбросило на Марс! А ты не пробовал туда попасть? Хоть с этим приплюснутым Санта-Клаусом?

– Да что мне твой сом! Я не пойму, как подарки попали ко мне!

– Мне кажется, подарки свалились с девятого этажа. Там в полу образовалась дырка, и в ту дырку подарки слились к тебе.

– А дырка большая?

– Не помню…

– Я говорил маме: «Прикинься спящей с двадцати трёх сорока пяти до нуля часов двух минут. Не забывкивай. Как Дед-Мороз отдаст подарки, так и открывай глаза!» Не успела прикинуться. Осталась без подарка. Только папа ей утром подарил несчастную, худую пилочку для ногтей. Но разве это подарок?

Я лёг за три минуты до полуночи, можно было и позжей лечь. Пока Дед обнесёт весь наш дом… Пока докувылькает до нашего четырнадцатого подъезда, можно два раза выспаться! Но я до всех четырёх часов не заснул. Дедоня так и не пришёл.

Вчера дедушка президент Ельцин сам отставился, и папа сказал, что Дед-Мороз мог к нему поехать уговаривать его дальше работать. И чтоб задобрить, может, повёз ему подарки… Дед-Мороз у меня не был. А подарунчики проявились. Как это произошло? Не знаю… Я прямо смущаюсь…

1 января 2000. Суббота.

Новый век? Старый век!

С вечно расстёгнутым настежь ртом Антонелли спросил в школе учительницу:

– Что такое календарь?

– Календарь – это то, где указаны годы, месяцы, дни недели, праздники.

– А-а-а… А я не знал…

– А сейчас особый праздник. Новый век! Новое тысячелетие! Третье! Сегодня мы учимся первый день в новом веке!!! – торжественно доложила Лариса Соломоновна. – Первый урок в третьем тысячелетии!!!

– Неправильно! – сказал я. – Разве бывает десяток без головы? Разве десяток из девяти состоит? Девять ещё не десять! Сейчас ещё старенький век. А новый начнётся в две тысячи первом году. Через триста пятьдесят шесть дней!

– Да ладно… – кисло вздохнула наша Ба! Шилова! – Отдыхай…

10 января 2000. Понедельник.

Как залетел ко мне в дневник чужой гусь

Россия– родина слонов в посудной лавке.
Николай Журавлёв

Когда я добываю двойку, у папы начинается очередной самый последний конец света.

Злость его аж до потолка подкидывает. Важно хоть немножко кинуть соломки на то место, где он опустится. Жалко всё-таки. Папа как-никак.

Сегодня я начал издалека.

– Пап, что больше? Восемь или один?

– Конечно, один.

– А если хорошенько подумать?

– Ну… пока восемь…

– Уже хорошо… За вчера и сегодня я честно вытрудил восемь красивых пятёрок-тетёрок и одну-единственную худющую раскоряку двойку…

Когда папа вернулся с неба на кафель школьного вестибюля, я сказал:

– Этого гусика я обожаю! – и поцеловал двойку в раскрытом дневнике. – Я хочу, чтоб каждая четверть начиналась и кончалась двойкой. Прямо меч… меч – та-аю! Чтоб композиция такая кольцевая была!..

Разбушёванный папа схватил меня за руку и потащил по всем этажам. Искать Ларису Соломоновну. Какой любопытный! Хочет знать, откуда взялся гусь!

– Не твоя композиция, а вот эта, – тычет папа в двойку и напротив её в чумные буквы «Д/з», – откуда эта композиция прилетела? Д/з – домашнее задание. Ты ж вчера мне стишок молотил я тебе дам! И два? Ты ж мне его сто раз наизусть оттарабанил!

– И в сто первый Ларисе Соломоновне! Ну… Рассказал я ей стишок, а она мне злобно, сквозь зубки: «Он мне не нужен!» – и отмахнулась. Как тигрюха лапой.

Я промолчал.

Она раскрыла дневник, подняла ручку и, представляешь, задумалась. Сигнал, что я выстарал себе плохую отметку.

Ну… Думает она год, думает два.

Я спрашиваю:

«Что вы так длинно думаете?»

«Я думаю, какую тебе двойку поставить. Большую или маленькую!»

Г-г-г-г-гос-с-с-с-поди! Мне б её заботушки!

Отоварился я и пошёл к себе за столик сел.

– Пап, она ж пишет ужасно. Ни один дурак её не поймёт! За её двойку, как она написала, я б сам спокойно поставил ей двойку! А она мне её переадресовала. Ручка её – старый адрес. А мой дневник – новый адрес…

– Что ты тут мне байки…

– Когда она что задаёт – пишет на доске только номер страницы. Она написала 13. На тринадцатой странице сказка «Никита-Кожемяка». Её троечка оказалась вылитой двоечкой. Я за двойку и прими. То есть, тринадцатую страницу я принял за двенадцатую. А на двенадцатой уже стих «Сказка» Берестова. Так кто виноват? Так кому гуся под-носить?

Папа засмеялся:

– Не горюй. Зажуём эту горю!

– Ну ошибся я. Не с той страницы выучил. А с соседской. Что там «Сказка», что там сказка. Только одна «Сказка» в стихах. А другая в простых словах. Ну какая разница? Я ж все равно учил?! Учи-ил!!! Так чего ж тогда кидаться гусями? Лучше б себе оставила к столу. На старый Новый год!

– Вот именно! – весело сказал папа.

12 января 2000. Среда.

Что ты хочешь от моей линейки?

В понедельник, двадцать четвёртого января двухтысячного года, упала со стола на пол моя линейка.

И Ксюша кинулась её поднять.

Я спросил Ксюшу:

– Что ты хочешь от моей линейки?

– Я от неё ничего не хочу. Я просто хочу её всю себе забрать!

– Что, тебе своей не хватает?

– Конечно, не хватает!

– Ну и моей не хватит! И подавно!

И я наступил на линейку. Чтоб Ксюня не цапнула.

Но уже к этому моменту под линейкой нежданно устроилась рука Ксюши. И я невольно наступил на линейку с рукой.

До линейки оставалось во-от столько, сантиметров тридцать, и тут Ксюша подпихни руку под линейку, и я уже не мог остановиться. Нога уже сама неостановимо вниз пошла.

Так случилась эта чертовщина.

Я извинился перед Ксюшей.

Но руке её от этого извинения не стало легче.

Раскипелся папа. За эту историю мне выговор закатил.

Но и от этого Ксюшиной руке не стало легче.

– Почему ты мне это сам сразу не рассказал? – спросил папа. – Я ж тебя каждый день спрашиваю, какое было чэпэ!

– Ты неправильно сегодня спросил. Ты спросил вообще. Но ты обязан был у-точ-нить! Именно про ксюшину спросить руку!

– Но разве я могу наперёд знать все твои выбрыки?

– А не знаешь… Я-то тут при чём? Спрашивай точно, и я б тебе точ-нень-ко рассказал!

Будто ксюшиной от этого руке стало б легче…

Муки таракана

– Мам, я в коридоре сегодня видел огромного больного таракана!

– А чем он болеет?

– Корью и скарлатиной!

Ну и что?

Народ – это сила в борьбе друг с другом.
Геннадий Малкин

Сегодня у нас была контрольная по математике.

– Крысёнок Пи! Иди возьми свою тетрадь да не забудь дневник.

С дневником я подошёл к учительскому столу.

Лариса Соломоновна сказала:

– Сейчас я тебе поставлю…

Она спихнула мне в дневник замарашку синюшную троечку, а себе в журнал водрузила целую раскормленную пятёрищу!

– Поставьте мне и в дневник пятёрку…

– Нет. Пусть будет тройка.

– Но я же получил пять! – сказал я вырывающе.

– Ну и что? Ха-а-ха-а-ха-а!!! – проговорила она по сло-гам. И поддразнила: – Будешь троечником.

Обидно.

Вот так из пятёрочника я превратился в троечника. Что я папе скажу?

16 февраля 2000. Среда.

Урок немецкого в желудке акулы

Фантастический ужастик

Идеи побеждают разум.
Геннадий Малкин

Кончилась большая, родненькая, переменка.
Учительница Олеся Александровна Бойченко начала говорить немецкий урок.
Кто-то из ребят по моей команде выключил свет. Свет потерялся – стало почти темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.